

Достоевскій въ своемъ „Дневникъ Писателя“ отмѣчалъ всѣ выдающіяся событія того времени и со свойственной ему гениальной силой своего слова оцѣнивалъ ихъ и освѣщалъ. Естественно поэтому, что все сказанное имъ въ „Дневникъ“ по славянскому вопросу до крайности волновало русское общество и пробуждало въ немъ горячія сочувствія къ страждущимъ славянамъ.

Въ іюль 1876 г. Достоевскій записываетъ въ своемъ „Дневникъ“: „Я прочелъ объ одной матери, болгаркѣ, — тамъ у нихъ въ Болгаріи, гдѣ цѣлыми уѣздами истреблялись люди. Она, — старуха, — уцѣлѣла въ одной деревнѣ и бродить, обезумѣвшая, по своему пепелищу. Когда же ее начинаютъ спрашивать, какъ было дѣло, то она не говоритъ обыкновенными словами, а только прикладываетъ правую руку къ щекѣ и начинаетъ пѣть и напѣвомъ рассказываетъ, въ импровизированныхъ стихахъ, о томъ, какъ у ней были домъ и семья, былъ мужъ, были дѣти, — шестеро дѣтей, а у дѣтокъ, — у старшихъ, — были тоже дѣточки, маленькіе внуки ея. И пришли мучители и сожгли ея старика, перерѣзали соколовъ ея дѣтей, изнасиловали малую дѣвочку, увели съ собой другую, — красавицу, — а младенчикамъ вспоролы всѣмъ ятаганомъ животики, а потомъ зажгли домъ и пошвыряли ихъ всѣхъ въ лютое пламя, — и все это она видѣла и крики дѣточекъ слышала“. Въ другомъ мѣстѣ своего „Дневника“ Достоевскій записываетъ такой фактъ. „Между спасенными на Балканахъ и привезенными въ Москву славянскими дѣтьми есть болгарка восьми лѣтъ или девяти, которая часто падаетъ въ обморокъ и за которой особенно ухаживаютъ. Падаетъ она въ обморокъ отъ воспоминанія: она сама видѣла, — своими глазами видѣла, какъ съ отца ея сдирали черкесы кожу — и содрали всю...“

Достоевскій въ ужасѣ трепещетъ отъ такихъ фактовъ, его сердце сжимается, леденѣетъ, и онъ не можетъ примириться съ мыслью, что все это извѣстно Европѣ, — цивилизованной и полной всякихъ чудесъ, — но остается безнаказаннымъ и продолжаетъ совершаться, и конца всему этому не видно. „О, цивилизація“, восклицаетъ Достоевскій¹⁾, „о, Европа, которая столь пострадаетъ въ своихъ интересахъ, если серьезно запретить туркамъ сдирать кожу съ отцовъ на глазахъ ихъ дѣтей. Да будутъ же прокляты эти интересы Европейской цивилизаціи“... негодуетъ авторъ романа „Униженные и Оскорбленные“. Это возмущеніе нравственного чувства Достоевскаго по поводу того, что дѣлалось на Балканахъ, — потрясало его многочисленныхъ русскихъ читателей,

¹⁾ Собр. соч. изд. 3 (СПБ, 1983), т. X стр. 277; т. XI стр. 45, 46, 133.